

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО № 6 (106)
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2008

ISSN 1990-8466

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ»

Выпуск 10

ПОСВЯЩАЕТСЯ
65- ЛЕТИЮ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук **В.С. Балакин** (*отв. редактор*), д-р филос. наук **Ф.М. Землянский**,
д-р искусствоведения **Н.В. Парфентьева**, канд. ист. наук **С.А. Кривоногова**
(*отв. секретарь*), канд. филос. наук **Е.В. Миронов**, д-р ист. наук, д-р
искусствоведения **Н.П. Парфентьев**, канд. филос. наук **В.Е. Хвощев**

О ПРИЧИНАХ ДВИЖЕНИЯ «СКИФОВ» НА ЮЖНЫЙ УРАЛ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VI в. до н. э.

Значительное влияние на сложение особенностей культуры кочевников Южного Урала конца VI—V вв. до н. э. оказал приход сюда групп скифского населения из западных районов степной и лесостепной Евразии. Чем же было обусловлено их движение на Южный Урал?

Центром расселения древнейших скифов, осуществлявших продвижение на юг Восточной Европы, стали районы Северного Кавказа и Предкавказья. Эти же территории рассматриваются большинством исследователей и в качестве плацдарма, с которого происходит проникновение скифских воинских контингентов в Закавказье, Переднюю Азию, лесостепное Поднепровье.

В раннескифский период основными поставщиками металла населению восточноевропейской степи и лесостепи были, вероятно, ананьинские племена Средней Волги, имевшие в VIII—VI вв. до н. э. развитое металлообрабатывающее производство, базировавшееся на использовании главным образом металл групп ВК и ВУ и, частично, ЕУ*, который поступал из уральских и более восточных центров. Большую часть металла в VII—VI вв. до н. э. ананьинцы получали от своих восточных соседей — племен иткульской культуры Зауралья⁷.

О реальности связей населения Волго-Камья, в частности Среднего Поволжья, лесостепного Поднепровья и Северного Кавказа в VIII—VI вв. до н. э. свидетельствуют, помимо данных спектрального анализа цветного металла⁸,

* Напомним, что ВУ — это волго-уральская химико-металлургическая группа с рудным источником, расположенным к востоку от Урала (?); ВК — волгокамская группа с неясным рудным источником¹. ЕУ — еленовско-ушкаттинская группа. Эту группу Е.Н. Черных связывал с месторождениями Еленовка и Уш-Катты на севере Мугоджар². С.В. Кузьминых включает в нее и другие близкие по геохимии месторождения на севере этого региона³. Т.Б. Барцева связывает с этой группой и металл, выплавляемый племенами иткульской культуры⁴. Рудные месторождения, разрабатываемые позднее иткульскими металлургами, Е.Н. Черных⁵ первоначально объединил в группу ЗаУ — «Группа зауральской меди, связываемой с месторождениями, разбросанными от Южного до Среднего Урала...». Однако в дальнейших исследованиях древней металлургии эта группа уже не фигурирует. Лишь в одной из последних работ Г.В. Бельтиковой вновь отмечается металл группы ЗаУ, из которого отлита подавляющая часть изделий иткульской культуры. Причем, Г.В. Бельтикова неоднократно подчеркивает, что металл группы ЗаУ трудно отличим от металла группы ЕУ⁶.

материалы раннеананьинских памятников на Средней Волге и отдельные находки на Северном Кавказе. Основными же производителями металлических изделий для степных кочевников в VII—IV вв. до н. э. являлись лесостепные племена Скифии⁹. В эпоху архаики лесостепное Поднепровье, районы Восточного Крыма и Прикубанья были связаны путями ежегодных перекочевок скифов¹⁰. Об активных сношениях и связях населения Прикубанья и лесостепного Поднепровья свидетельствуют и данные спектрального анализа металлических предметов из архаических комплексов Посулья¹¹. На наш взгляд, в ранний период не исключены и полувоенные-полуторговые экспедиции кочевников степей Предкавказья непосредственно в Волго-Камье по пути описанному М.Н. Погребовой и Д.С. Раевским¹² и совпадающему с более поздней караванной дорогой, ведущей из Болгарии в Прикубанье и на Кавказ¹³. Все это объясняет наличие уральского металла (группа ЕУ) и металла из неясного источника, расположенного к востоку от Урала (группа ВУ), в памятниках Прикубанья и Северного Кавказа. Так, например, анализ металла из краснознаменских курганов (Северный Кавказ) середины — конца VII в. до н. э. показал, что, во-первых, он происходит, вероятнее всего, из рудных месторождений на севере Мугоджар (группа ЕУ, металл которой, напомним, трудно отличим от металла группы ЗаУ) и неясного источника, расположенного к востоку от Урала (группа ВУ); во-вторых, он близок металлу синхронных памятников Северного Кавказа и Украины (хутор Алексеевский, Келермес, Нартан, Жаботин, Емчиха, Медвина). Отметим, что в инвентаре краснознаменских курганов имеются каменный жертвенник, стремевидные удила, предметы с соляным знаком близкие южноуральским¹⁴. Наибольшую стабильность связи с населением Волго-Камья приобретают в период возвращения скифов из переднеазиатских походов и активного их проникновения в степи Северного Причерноморья, Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья, в лесостепное Поднепровье и Подонье.

Проникновение скифов на рубеже VII—VI вв. до н. э. в лесостепное Поднепровье вывело их на один из путей распространения меди из Приуралья в Причерноморье, на тот путь, который в литературе получил название «торгового пути Геродота». Предыстория его, как показала Н.Л. Членова, уходит еще в эпоху бронзы¹⁵

В предмонгольское время (IX—XIII вв.) эта торговая артерия известна как путь из Булгара в Киев¹⁶. Активное ее функционирование в эпоху раннего железа подтверждается спектроаналитическим исследованием цветного металла из памятников лесостепного днепровского левобережья*.

Северный Кавказ являлся и исходной территорией для проникновения на рубеже VII—VI вв. до н. э. скифского этнического компонента на север — на Среднюю Волгу. Рассматривается оно или как походы мужчин-воинов, смешавшихся с местным населением и растворившихся в их среде, или как миграция «отложившихся скифов»¹⁸. Однако, как нам представляется, вряд ли правомерно рассматривать его только как походы мужчин-воинов. Тем более, что с этим проникновением с Кавказа на Среднюю Волгу пришли кавказские мастера, принесшие свои традиции обработки черных металлов¹⁹. Но и рассматривать данное проникновение как миграцию «отложившихся скифов» нет никаких оснований, на что уже аргументировано указали Н.Л. Членова и К.А. Смирнов²⁰. Скорее всего, как отмечает К.А. Смирнов²¹ «... контакты между жителями Северного Кавказа и степи с населением Волго-Камья были многократными и, вероятно, более или менее регулярными». Очевидно они носили характер военно-торговых экспедиций, в которых принимали участие не только воины, но и другие слои населения.

Проникновение скифского этнического компонента на рубеже VII—VI вв. до н. э. происходило не только на север — на Среднюю Волгу, но и на северо-восток — в Южное Приуралье. Именно к этому времени, к концу VII — первой половине VI вв. до н. э., относится курган 59 Целинного I могильника на Илеке в Южном Приуралье, интерпретируемый его исследователем как памятник ранних скифов, продвинувшихся из украинской лесостепи не позднее середины VI в. до н. э. С продвинувшимися в Южное Приуралье скифами, С.Ю. Гуцалов связывает еще несколько комплексов VI в. до н. э., в частности, погребение 2 в кургане 8 у села Бурдыгино в бассейне Самары и погребение 1 кургана 17 могильника Покровка 2 на Илеке²². В этом плане интересна находка рогового трехдырчатого псаля начала VI в. до н. э. с арамейской надписью в кургане у села Рысайкино близ города Бугуруслана в Северо-Западном Оренбуржье²³. По мнению Е.Ф. Чежиной, аналогичные псалии, найденные на Кавказе и в Прикубанье, происходят из памятников, безусловно связанных с возвращением скифов после их вторжения в Пере-

дную Азию. «Рысайкинский псалий, скифский по типу, мог быть занесен в Южное Приуралье с волной кочевников, вернувшихся из переднеазиатских походов». С этим утверждением согласуется и точка зрения А.А. Ковалева о том, что костяные псалии этого типа, найденные вне основного ареала их распространения, могут свидетельствовать о «миграции этнической группы населения, которую следует связывать со скифами либо с другой частью скифского племенного союза»²⁴.

Одним из наиболее надежных признаков миграции определенного этноса (при отсутствии антропологических и лингвистических данных) является наличие на удаленных друг от друга территориях стилистически близких изваяний. В последнее десятилетие в степях Южного Урала выявлено значительное число антропоморфных изваяний савроматского времени²⁵. Одно из них (Елантау, курган 1) входило в комплекс святилища, имеющего наиболее близкие параллели в Нижнем Поднепровье²⁶. Эти изваяния, хотя и не могут быть безоговорочно отнесены к числу собственно скифских, все же несут явные следы влияния скифской изобразительной традиции. Причем наиболее ранние параллели их стилистическим особенностям прослеживаются на скифских изваяниях ранней хронологической группы конца VII—VI вв. до н. э., происходящих с территории Северного Кавказа. По мнению В.С. Ольховского, появление изваяний, несущих скифские черты, на той или иной территории невозможно без прямого участия скифов либо существенного их влияния²⁷. Поэтому мы считаем, что антропоморфных изваяний Южного Урала, по-видимому, фиксируют не только проникновение, но и присутствие в данном регионе скифского этнического компонента.

Говоря о проникновении скифского этнического компонента в степи Южного Урала, нельзя не коснуться проблемы «отделившихся» или «отложившихся скифов». Еще в 1988 году в совместной с А.Г. Гаврилюком статье мы пришли к выводу о возможности непосредственной генетической связи какой-то части населения Южного Урала VI—V вв. до н. э. с группой племен, локализуемых на Западе. В достаточно осторожной форме мы высказались в пользу размещения «отложившихся скифов» в Южном Приуралье, примкнув, таким образом, к уже существующей в литературе точке зрения²⁸. Дальнейшие исследования на Южном Урале дали, как представляется, реальные основания для утверждения о наличии в этом регионе во второй половине VI в. до н. э. скифского этнического компонента. По мнению С.Ю. Гуцалова, этот компонент в последствии играл «решающую роль в социально-политической структуре общества» ранних ко-

* По данным Т.Б. Барцевой от 24 до 36 % бронзовых предметов VI—IV вв. до н. э. этого региона изготовлено из металла южноуральских рудных источников¹⁷.

чевников Южного Приуралья. Именно скифы, — отмечает он, — стали этническим ядром мощного кочевого союза, зародившегося во второй половине VI в. до н. э. и получившего у археологов название «прохоровская культура». Данное обстоятельство дает, на его взгляд, основание для размещения в этом регионе «скифов отделившихся»²⁹. «Отделившимися скифами» считает общность кочевников савроматского времени Южного Приуралья и Н.Е. Берлизов. По его мнению, эта общность сформировалась в результате почти одновременного освоения уральских степей выходцами из скифского и сакского мира. Под последним он, вероятно, имеет в виду тасмолинцев Центрального Казахстана³⁰.

В конце третьей четверти или в конце VI в. до н. э. этнополитическая ситуация в Причерноморье начинает коренным образом меняться. В аспекте данного исследования важно отметить, что не позже конца VI—V вв. до н. э. происходит переселение на Средний Дон части полукочевой военно-аристократической верхушки приднепровского лесостепного населения. Как предполагает А.П. Медведев, одной из причин ее ухода на восток было, возможно, нежелание признать владычество новых хозяев Степи — «скифов царских». Позднее А.П. Медведев пишет уже не только о переселении военно-аристократической верхушки, оставившей среднедонские курганные могильники, но и рядового населения — оседлых земледельцев и скотоводов, оставивших городища и поселения с выраженным культурным слоем³¹. В этом он сближается с позицией В.И. Гуляева. Последний, в отличие от А.П. Медведева, считает, что исходной территорией миграции было степное Приазовье, хотя «не исключен, однако, и западный источник миграции — левобережная украинская лесостепь»³². Другой причиной ухода части приднепровского лесостепного населения на восток, по нашему мнению, было стремление поставить под свой контроль восточный отрезок «торгового пути Геродота», проходящий через лесостепное Подонье и являющийся частью «трансевропейского лесостепного пути», соединяющего Южный Урал с Венгерской равниной³³. Дело в том, что с перенесением в течение середины—конца VI в. до н. э. политического центра Скифии в степи Северного Причерноморья³⁴ путь, связывающий непосредственно Северный Кавказ с Волго-Камьем, приходит в упадок. Отметим также, что в условиях дестабилизации военно-политической ситуации в степях Причерноморья, которая началась в третьей четверти VI в. до н. э., на Нижнем Дону исчезают на несколько десятилетий кочевнические погребения. Появляются они здесь вновь не ранее конца первой четверти V в. до н. э.³⁵ Данное обстоятельство свидетельствует, на наш взгляд, об утрате

кочевниками контроля не только над Нижним Подоньем, но и над путем, связывающим Северный Кавказ с Волго-Камьем. В этих условиях все большее значение приобретает путь из Ольвии в Приуралье. Охрана и контроль среднедонскими номадами «пути Геродота», а также торговой трассы с Елизаветовского городища вверх по Дону способствовало, наряду с другими факторами, культурному обособлению кочевой элиты населения Среднего Дона³⁶. В.П. Копылов, на основании анализа материалов Елизаветовского городища и одноименного могильника, пришел к выводу, что «именно сформировавшаяся в лесостепном Днепровском Левобережье новая этническая общность в конце первой четверти V в. до н. э. устанавливает контроль над таким важным районом, как устье Танаиса, являвшимся перекрестком сухопутных и водных торговых коммуникаций». Важно подчеркнуть — отмечает он, — что памятники дельты Дона и Среднего Дона являются памятниками одного культурного горизонта и появление их на Дону одновременно из одной культурной зоны позволяет говорить об их этническом родстве³⁷. «Заметное сходство (можно даже сказать, близкое родство)... между инвентарем из курганных захоронений V—IV вв. до н. э. Воронежской группы и нижнедонских могильников правого берега и дельты Дона и междуречья Дона и Северского Донца» отмечает и В.И. Гуляев³⁸.

Вполне вероятно, что переселение части полукочевой верхушки приднепровского лесостепного населения произошло не только в лесостепное Подонье и на Нижний Дон. Какие-то отдельные их группы, возможно, проникли и в степи Южного Урала, где вошли в состав активно формирующейся местной военно-жреческой элиты.

Проникновение приднепровского лесостепного населения на Южный Урал было вызвано, на наш взгляд, следующим обстоятельством. В конце VI в. до н. э. резко прерывается развитие ананьинской (и аккозинской — по С.В. Кузьминых) культуры Среднего Поволжья. Происходит массовый отток населения из этого региона. А.Х. Халиков полагал, что «основная масса волжских ананьинцев, очевидно, бежала на восток — в Прикамье и ушла на север, в Поволжье, если не севернее»³⁹. Основная масса аккозинского населения, по мнению С.В. Кузьминых, мигрировала на северо-запад, на Верхнюю Волгу и далее, а отдельные группы ушли вместе с ананьинцами⁴⁰. А.Х. Халиков первоначально высказал предположение, что прекращение существования ананьинских памятников Среднего Поволжья и массовое переселение населения на восток и север было вызвано походом Дария в Причерноморскую Скифию. Позднее он пришел к выводу, что основной причиной, повлекшей за собой мас-

совый уход раннеананьинского населения на восток, север и запад, было катастрофическое землетрясение⁴¹.

Как уже отмечалось нами, военная активность номадов Зауралья на южных рубежах иткульской культуры в VII—VI вв. до н. э., вероятно, привела к установлению уже в VI в. до н. э. каких-то форм зависимости иткульцев от кочевников⁴². Вероятно эксплуатация иткульского населения, включала, помимо неэквивалентного обмена, сбор дани продуктами металлургии и металлообработки. Полученный кочевниками металл мог идти на экспорт в качестве платы за престижно значимые вещи. Уже во второй половине VI в. до н. э. кочевники Южного Зауралья включаются в обменные операции по «торговому пути Геродота». Массовый же отток ананьинцев Среднего Поволжья на восток и север приводит к тому, что кочевники Южного Зауралья становятся, по-видимому, основными поставщиками металла в лесостепное и степное Причерноморье*. Это обстоятельство и могло вызвать приток сюда скифского этнического компонента из лесостепного Поднепровья.

На наш взгляд, проникновение отдельных групп скифского лесостепного приднепровского населения на Южный Урал было обусловлено не только стремлением контролировать пути поступления уральского металла в Причерноморье, проходящие через лесостепное Подонье и Приднепровье, но и желанием, отеснив зауральских номадов, поставить под свой контроль само его производство на иткульских поселениях.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ.

Примечания

1. Черных, Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / Е.Н. Черных // МИА. 1970. — № 172. — С. 15; Кузьминых, С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (Медь и бронза) / С.В. Кузьминых. — М.: Наука, 1983. — С. 11.
2. Черных Е.Н. Указ. соч. С. 15.
3. Кузьминых С.В. Указ соч. С. 11.
4. Барцева, Т.Б. Цветной металл из Среднего Пришмья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья / Т.Б. Барцева. — Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та, 1987. — С. 73—76.
5. Черных Е.Н. Указ. соч. С. 15.

* Предположение С.Ю. Гуцалова о том, что главной целью проникновения «скифов» на Южный Урал были рудные залежи Мугоджар, а экспортируемый на Северный Кавказ и украинскую Лесостепь в VI—IV вв. до н. э. цветной металл «... скорее всего, Мугоджарского рудного происхождения»⁴³, пока не подтверждается археологически. Каких-либо данных о разработках этих месторождений в раннем железном веке нет.

6. Бельтикова, Г.В. Иткульский очаг металлургии: ориентация, связи Г.В. Бельтикова // Уральский исторический вестник. № 8 (Древние и средневековые культуры Урала в евразийском культурном пространстве). — Екатеринбург: Академкнига, 2002. — С. 144, 148, 149.

7. Кузьминых С.В. Указ соч. С. 11, 53—55, 167—176.

8. Барцева, Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское левобережье / Т.Б. Барцева. — М.: Наука, 1981. — С. 92; Барцева, Т.Б. Раннескифский цветной металл в Предкавказье (комплекс «Красное Знамя») / Т.Б. Барцева // Естественнонаучные методы в археологии. — М.: Наука, 1989. С. 115, 116.

9. Шрамко, Б.А. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии / Б.А. Шрамко // Проблемы скифской археологии. МИА. — 1971. — № 177. — С. 94—100.

10. Вахтина, М.Ю. Греческие поселения Северного Причерноморья и кочевники в VII—VI вв. до н. э. (к проблеме первых контактов) / М.Ю. Вахтина // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Материалы 2-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». — Новочеркасск: б. и., 1989. — С. 78—79.

11. Барцева, Т.Б. Результаты спектроаналитического изучения архаических комплексов Посулья / Т.Б. Барцева // АСГЭ. — 1983. — Вып. 23. — С. 95.

12. Погребова, М.Н. Ранние скифы и Древний Восток: К истории становления скифской культуры / М.Н. Погребова, Д.С. Раевский. — М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1992. — С. 197, 219.

13. Халиков, А.Х. Торговые пути Булгарии в XI—XIII веках и их археологическое изучение (на примере пути из Булгара в Киев) / А. Х. Халиков // Путь из Булгара в Киев. — Казань: б. и., 1992. — Рис. 2.

14. Петренко, В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе / В.Г. Петренко // АСГЭ. — 1983. Вып. 23. С. 43—48; Барцева, Т.Б. Раннескифский цветной металл... — С. 115—116.

15. Членова, Н.Л. Предыстория «торгового пути Геродота» (из Северного Причерноморья на Южный Урал) / Н.Л. Членова // СА. — 1983. — № 1. — С. 52, 60.

16. Халиков А.Х. Указ. соч. С. 16—18; Иевлев, М.М. «Русский» участок пути Булгар — Киев (особенности поселений и маршрута) / М.М. Иевлев, А.П. Моця // Путь из Булгара в Киев. — Казань: б. и., 1992. — С. 23—30.

17. Барцева Т.Б. Цветная металлообработка... — С. 92.

18. Членова, Н.Л. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, Новомордовских стелах и «отделившихся скифах» / Н.Л. Членова // КСИА. — 1988. — Вып. 194. — С. 5, 7; Погребова, М.Н., Раевский, Д.С. Указ соч. С. 215—216.

19. Розанова, Л.С. Особенности технологии изготовления наконечников копий у волжских финнов в VIII—VI вв. до н. э. // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы междунауд. науч. конф. К 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции / Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова. — Ижевск: Изд-во института экономики и управления УдГУ, 2002. — С. 193; Терехова Очерки по истории древней железообработке в Восточной Европе / Н.Н. Терехова, Л.С. Розанова, В.И. Завьялов, М.М. Толмачева. — М.: Металлургия, 1997. — С. 76—77.

20. Членова, Н.Л. О культурной принадлежности... С. 6—7; Смирнов, К.А. Погребения всадников в Старшем Ахмыловском могильнике / К.А. Смирнов // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: материалы науч. конф. — Тр. ГИМ. — 2000. — Вып. 122. — С. 81—82.
21. Смирнов, К.А. Указ. соч. С. 81.
22. Гуцалов, С.Ю. Курган раннескифского времени на Илеке / С.Ю. Гуцалов // АПО. — 1998. — Вып. II. — С. 130—131; Гуцалов, С.Ю. О роли скифов в формировании прохоровской культуры / С.Ю. Гуцалов // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: материалы IV Международ. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 2. — Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. — С. 65.
23. Смирнов, К.Ф. Сарматы. Ранняя история и культура сармат / К.Ф. Смирнов. — М.: Наука, 1964. — С. 363, рис. 77, 1.
24. Чежина, Е.Ф. Уникальная надпись на раннескифском псалми из Южного Приуралья / Е.Ф. Чежина // СА. — 1989. — № 1. — С. 263; Ковалев, А.А. Происхождение скифов согласно данным археологии / А.А. Ковалев // Между Азией и Европой. Кавказ в IV—I тыс. до н. э.: Материалы конф., посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Иссена. — СПб.: б. и., 1996. — С. 126.
25. Гуцалов, С.Ю. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей / С.Ю. Гуцалов, А.Д. Таиров // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. — М.: ГЕОС, 2000. — С. 226—251.
26. Гуцалов, С.Ю. Скифское изваяние в Южном Зауралье / С.Ю. Гуцалов, С.Г. Боталов // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Ч. 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала: материалы конф. — Екатеринбург: б. и., 1999. — С. 111—115.
27. Ольховский, В.С. Скифские изваяния VII—III вв. до н. э. / В.С. Ольховский, Г.Л. Евдокимов — М.: б. и., 1994. — С. 5.
28. Таиров, А.Д. К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры / А.Д. Таиров, А.Г. Гаврилук // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. — Челябинск: Изд-е Башкирского унта, 1988. — С. 149; Мачинский, Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепренье по свидетельствам античных письменных источников / Д.А. Мачинский // АСГЭ. — 1971. — Вып. 13. — С. 31, карты 1 и 2; Яйленко, В.П. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии / В.П. Яйленко // СЭ. — 1983. — № 1. — С. 65; Исмагилов, Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры / Р.Б. Исмагилов // АСГЭ. — 1988. — Вып. 29. — С. 45.
29. Гуцалов, С.Ю. Проблемы изучения древней истории Западного Казахстана / С.Ю. Гуцалов // Жизнь, отданная науке. Межвузовские науч. чтения, посвященные памяти профессора В.Ф. Мамонова: тез. докл. — Челябинск: б. и., 2002. — С. 88; Сдыков, М.Н. Сокровища скифов Западного Казахстана / М.Н. Сдыков, С.Ю. Гуцалов, А.А. Бисембаев. — Уральск: б. и., 2003. — С. 75.
30. Берлизов, Н.Е. Относительная хронология азиатской Сарматии VII в. до н. э. — IV в. н. э. / Н.Е. Берлизов // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 4. — Армавир: М.: б. и., 1998. — С. 57.
31. Медведев, А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. / А.П. Медведев. — М.: Наука, 1999. — С. 125—126; Медведев, А.П. Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону (Проблемы этнокультурной интерпретации) / А.П. Медведев // ВДИ. — 2002. — № 3. — С. 157—158.
32. Гуляев, В.И. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени / В.И. Гуляев // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН. — М.: Институт археологии РАН, 2001. — С. 25, 31.
33. Лысенко, С.Д. К вопросу о локализации коммунаций эпохи поздней бронзы в правобережной лесостепи / С.Д. Лысенко // Исторична наука: проблеми розвитку: Матеріали Міжнародно наукової конференції. Секція «Археологія». — Луганськ: б. и., 2002. — С. 104.
34. Мурзин, В.Ю. Происхождение скифов: Основные этапы формирования скифского этноса / В.Ю. Мурзин. — Киев: Наукова думка, 1990. — С. 64.
35. Копылов, В.П. Скифы Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья (Вопросы хронологии и военно-политической истории) / В.П. Копылов // ВДИ. — 2003. — № 1. — С. 137, 139.
36. Медведев, А.П. Ранний железный век... С. 127.
37. Копылов, В.П. Население дельты Дона в V—IV вв. до н. э. / В.П. Копылов // Скифы и сарматы в VI—III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. — М.: Институт археологии РАН, 2000. — С. 164—165.
38. Гуляев, В.И. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V—IV вв. до н. э. В.И. Гуляев // Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология, археология. — М.: Институт археологии РАН, 2000. — С. 147.
39. Халиков, А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.) / А.Х. Халиков. — М.: Наука, 1977. — С. 258.
40. Кузьминых, С.В. Указ. соч. С. 170.
41. Халиков, А.Х. Волго-Камье... С. 258; Халиков, А.Х. О судьбе населения ананьинской общности на Нижней Каме / А.Х. Халиков // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. — Казань: б. и., 1992. — С. 55.
42. Таиров, А.Д. Этнокультурные процессы на Южном Урале в VII—II вв. до н. э. А.Д. Таиров, С.Ю. Гуцалов // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». — Челябинск: Рифей, 2006. — С. 314.
43. Гуцалов, С.Ю. О роли скифов... С. 65.